

Анатолий Рыбаков

Выстрел

ФТМ

Приключения Миши Полякова и его друзей

Анатолий Рыбаков

Выстрел

«ФТМ»

1975

Рыбаков А. Н.

Выстрел / А. Н. Рыбаков — «ФТМ», 1975 — (Приключения Миши Полякова и его друзей)

ISBN 978-5-457-07213-8

Широко известная детективная повесть, третья часть популярной детской трилогии («Кортик», «Бронзовая птица» и «Выстрел») Анатолия Рыбакова, в которой арбатский парень Миша Поляков и его друзья помогают раскрыть таинственное убийство инженера Зимина.

ISBN 978-5-457-07213-8

© Рыбаков А. Н., 1975

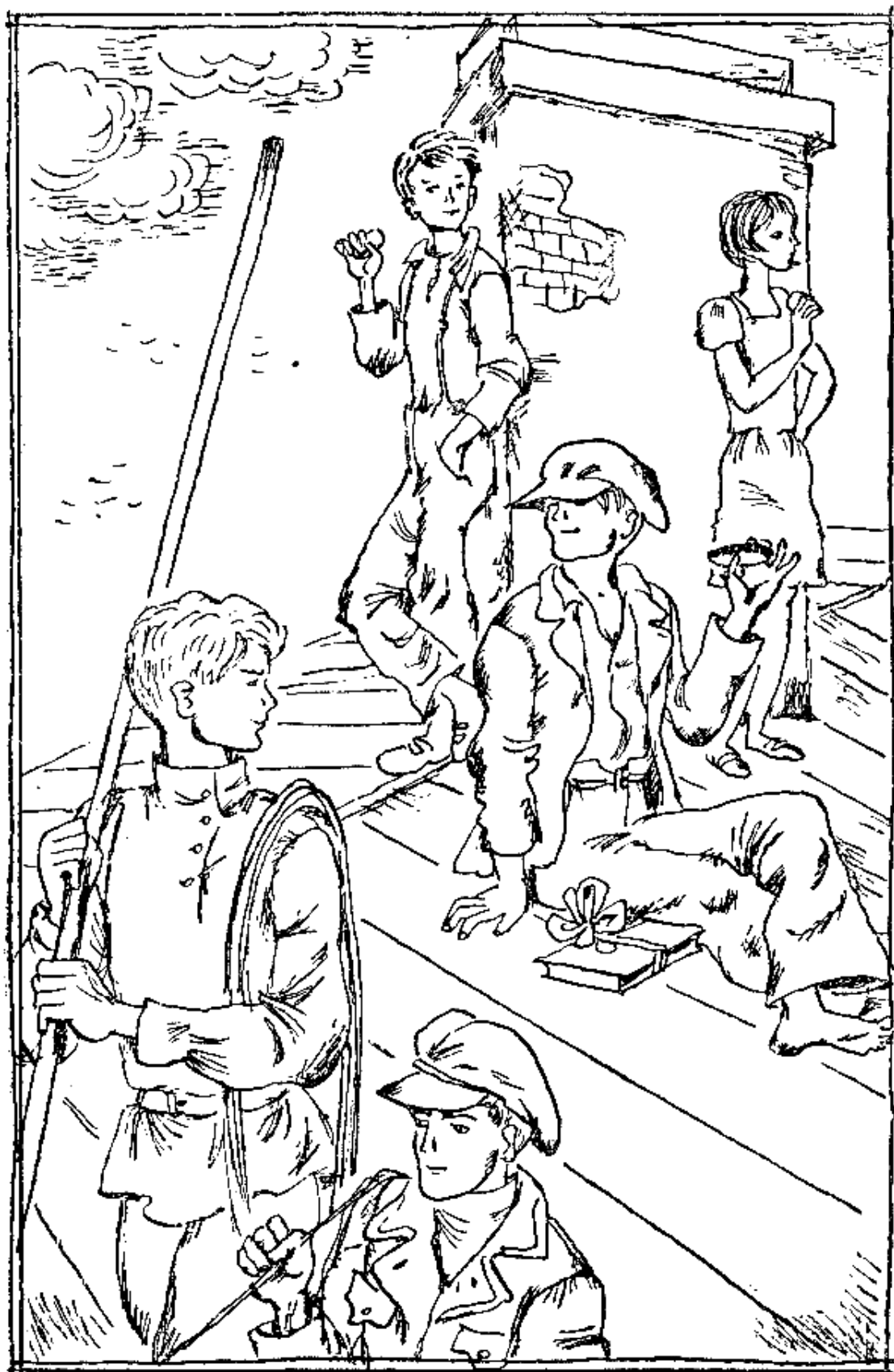
© ФТМ, 1975

Содержание

1	6
2	9
3	15
4	19
5	22
6	28
7	34
8	36
9	43
10	46
11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анатолий Рыбаков Выстрел

1

Возле пивной «Гротеск» прохаживался Витька Буров, по прозвищу Альфонс Доде. Пустые бутылки принимали во дворе пивной, и Витьке была видна вся очередь.

Замученный старичок, гномик в очках, опускал бутылки в ящик: темные – пивные, светлые – водочные, желтые – из под лимонада и сидро. Бутылки сдавал Шныра, а в очереди, которую Шныра загораживал спиной, Фургон, Паштет и Белка перекладывали бутылки из ящичков в свои сумки, собираясь продать их еще раз.

– Тридцать пять копеек, – объявил гномик Шныре, – так тебя учили в школе?

Шныра вынул кепку из кармана, нахлобучил на голову, на глаза, отошел, потом незаметно стал за Паштетом и наполнил свою кошелку бутылками из ящичков.

– Получай деньги, отнеси маме, ты хороший мальчик, – заключил гномик торг с Фургоном.

Ребятам все это казалось игрой, рискованной, но увлекательной и дающей заработок. Деньги им были нужны для поездки в Крым.

Сидя на разбитом асфальте, они сдавали выручку Витьке Бурову.

– Восемьдесят две копейки, – сказал Шныра.

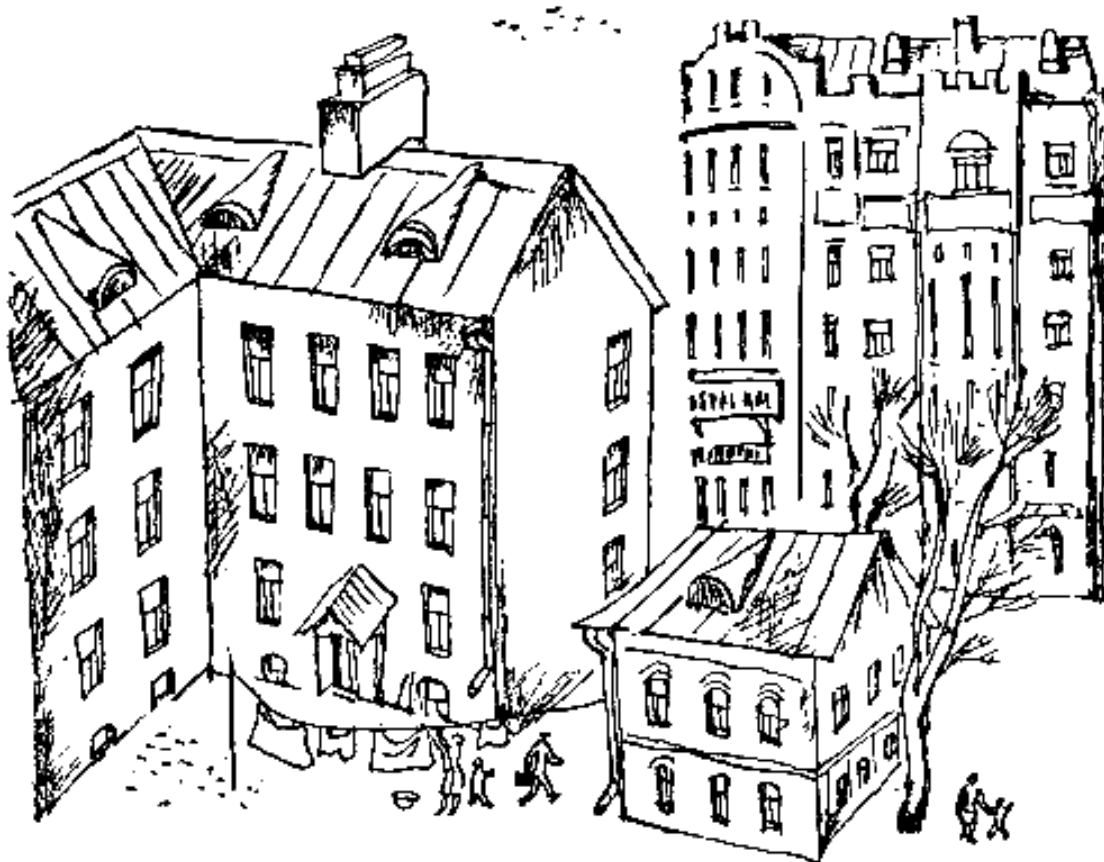
– Молодец, хороший мальчик! – к удовольствию всей компании, передразнил Витька гномика. – Слушай маму!

– Пятьдесят восемь копеек, – сказал Фургон.

– Плохой мальчик, ленивый, выйди из класса!

– Девяносто три, – сказала Белка.

– Изюм – белый хлеб! – воскликнул Витька. Выше похвалы он не знал.

Они пошли по Смоленскому рынку, могучая компания, объединенная таинственной целью, имеющая бесстрашного вожака, который бесцеремонно всех расталкивал: «Куда прешь, не видишь – дети!» – фраза, тоже приводившая их в восторг.

Служащие в косоворотках, мануфактуристы в пиджачных парах, в галстуках и без галстуков, с бабочками и без бабочек, зеленщики в брезентовых и рыбники в кожаных фартуках, крестьяне в смазанных сапогах и крестьяне в лаптях, украинки в суконных свитках, китайцы с воздушными шарами и всякими бумажными чудесами, железнодорожники в форменных куртках, барышники, молочницы, холодные сапожники, точильщики, босяки – все это скопище людей двигалось, шумело, спорило, торговалось, пело, играло, плакало, проклинали, собиралось в толпы, растекалось по Новинскому и Смоленскому бульварам и по примыкающим к рынку переулкам.

Толстый, неповоротливый Фургон задержался около продавщицы с лотком на груди. «Моссельпром» было вышито на ее форменной фуражке золотым шнуром.

– Ириски, – доложил Фургон.

– Вывеска на голове, магазин на брюхе! – ответил Альфонс Доде.

Фургон понял, что ирисок не будет.

Суровое сердце Витьки дрогнуло только при виде рослой украинки в монистах, продававшей пряники в ларьке под вывеской: «Наталка с Киева».

Она заметила Витькин замороженный взгляд.

– Все вы дывытесь на меня, а не покупаете.

Витька кинул на прилавок деньги – широкая влюбчивая натура, – раздал всем по прянику, себе не взял, сдачу положил в нагрудный карман:

– Это крымские.

– С Крыма приехали? – осведомилась «Наталка с Киева».

– Вроде бы, – неопределенно ответил Витька.

По базару медленной уркаганской походкой шел Шаринец, хлюпик в кашне, настороженно косил рыжим глазом.

Витька напрягся, готовый к столкновению.

– Белка! – требовательно произнес Шаринец.

Белка не ответила на оклик Шаринца, вопросительно смотрела на Витьку, сильного, смелого, покупающего пряники.

Шаринец прошел, усмехаясь, как человек на рынке слишком значительный, чтобы связываться с такой мелкотой.

Но мелкота знала, что Шаринец боится Витьку, и это усиливало в них сознание своего могущества.

2

На своем дворе они тоже были хозяева. Старшие ребята их не трогали, боясь Витьку, сверстники хотели попасть в их компанию, но компании никто больше не нужен: они не могут всех взять в Крым. Они сидели в тени восьмиэтажного корпуса. Шныра и Фургон мелом рисовали на асфальте пальмы с высокой кроной, волнистое море, чайки, солнце с длинными лучами – все это должно было изображать Крым. Витька лениво поигрывал финским ножом и курил папиросы «Наша марка» – единственная трата из крымских денег, которую он себе позволял. Папиросу получил и Паштет. Шныре и Фургону дали затянуться. Шныра выказал наслаждение, которого не испытывал, Фургон закашлялся, Белке ничего не было дано – девочки не должны курить.

Идиллия была прервана появлением дворничихи с метлой.

– Весь двор разрисовали, безобразники!

Витька подкинул нож, ловко поймал за рукоятку.

– Ох, Витька, доиграешься, не миновать тебе тюрьмы. Тебя не жалко, мамашу твою жалко.

Витька симпатично улыбнулся, отчего финка в его руках стала выглядеть несколько зловеще.

На четвертом этаже открылось окно. Валентин Валентинович Навроцкий провел ладонью по подоконнику – чисто ли? Он был в светлом шевиотовом костюме. К окну подошел Юра – его больше не дразнили скаутом, но выглядел он вышемернее, чем прежде: долго-вязый, в бархатной толстовке, с белым бантом.

– Витька Буров, он же Альфонс Доде, гроза Арбата, – объяснил Юра, – и его банда: Шныра, Паштет, Белка и Фургон. Паштет и Белка – бывшие беспризорные, а сейчас безнадзорные. В чем разница – не знаю.

– Какой действительно толстый мальчик Фургон, – согласился Валентин Валентинович, – перекормлен.

– Его настоящее имя Андрей, фамилия Зимин, отец – инженер на фабрике.

– Сын инженера в такой компании?! А почему Альфонс Доде?

– Может быть, он чем то напоминает Тартарена из Тараскона? Навряд ли... Почему, например, Паштет? Он паштета в глаза не видел. Все потенциальные уголовники начинают с кличек.

Во дворе появился Шаринец, уселся на скамейке у подъезда, ухмыляясь поглядывал на Витькину компанию.

– А это настоящий уголовник, профессиональный карманник, – сказал Юра.

– Карманник не самая видная, но вполне достойная воровская специальность, – смеясь, заметил Валентин Валентинович.

– Конкурент Витьки за влияние во дворе.

Подтверждая эти слова, Витька, демонстрируя свою власть, приказал:

– Фургон, скажи стих!

– Какой?

– Про хорошего человека.

Фургон ударил себя в грудь:

Рожa брита,
Грудь открыта,
Брюки клеш,
Даешь – берешь!

– Хороший стих, – похвалил Витька. – А еще знаешь?

– Про что?

– Про хорошего человека.

– Про хорошего человека больше не знаю, – признался Фургон.

– Фургон! – окликнул его Шаринец.

– Чего?

– Подойди!

Фургон сделал неуверенное движение в сторону Шаринца, но его остановил грозный Витькин оклик:

– Стой!

Фургон остановился.

– Зачем пошел?

– Так ведь он позвал.

Двумя пальцами Витька зажал Фургону нос.

– Брось, Витька! – неодобрительно заметил Шныра.

Фургон мотал головой, пытаясь вырваться.

– В другой раз оторву и голову, – пообещал Витька и сильно дернул рукой вниз.

Фургон освободился от железной Витькиной хватки, но ощущение было такое, будто у него оторвали нос, и Фургон не сумел сдержать слез.

Витькина власть была доказана действием и огорожена от посягательств Шаринца. Но когда Витька наказывал Фургона, во дворе появился Миша Поляков, по прежнему в кожаной куртке, из которой он порядочно вырос; под ней на рубашке виднелся комсомольский значок КИМ.

– За что ты его?

Витька лениво поднялся, поиграл финкой.

– Твое дело?

Юра дал справку:

– Миша Поляков, комсомольский активист... Как это там у них называется... Секретарь ячейки или председатель учкома – я в этом плохо разбираюсь.

– Сильный, видно, парень, – заметил Валентин Валентинович.

– Витька сильнее.

– Сильнее тот, кто смелее.

– Миша смелый только на собраниях, – сказал Юра.

Витька играл финкой:

– Ну что? Милицию позовешь? Беги зови, а то не успеешь. Арцы – и в воду концы!

«Арцы – и в воду концы» означало у Витьки высшую степень угрозы.

– Убери нож!

– Наверно...

Неожиданным ударом Миша вышиб финку из Витькиной руки и наступил на нее ногой. Витька бросился на Мишу, они сцепились, не давая одному дотянуться до ножа.

Нож поднял Саша Панкратов, во дворе его называли Сашка Фасон, не потому, что фасонил, а потому, что был красив: черноволосый мальчик с красным пионерским галстуком. Было ясно, что финку он Бурову не отдаст.

Подошли мужчины, растащили дерущихся. Витька пытался вырваться, но его держали крепко. Из окон выглядывали жильцы, во дворе собиралась толпа. Выбежала мать Фургона – Ольга Дмитриевна Зимина, миловидная женщина с нежным лицом.

– Андрюша! Что он с тобой сделал? Нож! Когда это прекратится наконец?

Появление милиционера привлекло еще больше зрителей.

Милиционер забрал у Саши финку.

– Чей нож?

Все молчали, подчиняясь законам двора: податься – одно, выдать – другое.

– Твой? – спросил милиционер у Витьки.

– Пусть ребята скажут, – ответил Витька.

Белка показала на Мишу:

– Его финка, он хотел Витьку порезать.

– Не ври! – крикнул Саша Панкратов. – Витькин нож. Скажи, Фургон, скажи, Шныра, чей нож?

Шныра и Фургон молчали.

– Какие, однако, мерзавцы! – возмутился Валентин Валентинович и встал с подоконника.

– Плевать! Пусть сами разбираются, – сказал Юра.

– Ну знаешь... Я тебя не понимаю!

Валентин Валентинович свесился из окна:

– Товарищ! Я все видел, сейчас спущусь.

Через минуту он стоял во дворе, спокойный, внушающий доверие, показал на Витьку:

– Нож его, он им играл, довольно неосторожно, кстати. И мучил мальчика. А этот молодой человек, – он протянул тонкий палец в сторону Миши, – вступился... – Он повернулся к Зиминой: – Если не ошибаюсь, за вашего сына.

– Да, – сказала Ольга Дмитриевна. – Витя! Ведь ты уже большой... Разве Андрей тебе товарищ?

– Что скажешь? – спросил милиционер у Витьки.

Витька молчал, злобно поглядывая на Мишу.

– Нехорошо, девочка, лгать, некрасиво, – сказал Валентин Валентинович Белке.

Милиционер опустил нож в сумку.

– Разберемся, пошли!

И вместе с Витькой направился к воротам.

– Благодарю вас, – сказала Ольга Дмитриевна Валентину Валентиновичу.

– Мадам... Гражданка... Я просто сказал правду.

3

Валентин Валентинович вернулся к себе, на четвертый этаж.

– Дорогой мой, – сказал Юре, – ты оказался не на высоте. Ты побаиваешься Альфонса Доде? Кстати, кличка ему не подходит.

– Я его не боюсь, – вспыхнул Юра, – но Миша ненавидит меня, как буржуя; если бы я вмешался, он бы расценил это как подлизывание. Не беспокойтесь за него: он не нуждался ни в вашей защите, ни в моей.

– Правду надо защищать всюду, всегда и везде. – Валентин Валентинович уселся в кресле и закурил тонкую папиросу. – Что касается Альфонса, то он кончит тюрьмой. Околачивается во дворе с финкой, взрослый парень!

– А куда ему идти? В комсомол? Зевать на собраниях?

– Ты тоже не комсомолец.

– И что меня ждет? В институт не примут: не рабочий, не сын рабочего.

– Принимают и не рабочих. Твой отец – врач, поступай в медицинский.

– Ковыряться в чужом сопливом носу?

– Что же тебя привлекает? – в свою очередь спросил Валентин Валентинович.

– Кино.

– Есть способности?

– В кино нужна прежде всего внешность.

Валентин Валентинович оценивающим взглядом посмотрел на Юру:

– Внешность у тебя есть.

– Один кинорежиссер, папин пациент, обещал взять меня на съемки.

– Прекрасно! Будешь советским Рудольфе Валентине или Дугласом Фербенксом.

– Он начнет снимать новую картину через год, – огорченно проговорил Юра. – Что я буду делать после школы? На фабрику?

– Кстати, почему ваша школа так связана с фабрикой?

– Проходим производственную практику – два дня в неделю, получаем «трудовое» воспитание, даже пишем дипломные работы, почти как в вузе. Из нас готовят нечто вроде статистиков. Такая скучища!

– Напрасно пренебрегаешь этим, – сказал Валентин Валентинович, – другие после школы идут на биржу труда или в чернорабочие. А ты сразу получаешь специальность.

– Мне нужна независимость.

– Профессия актера тебе ее даст?

– До известной степени.

– Заблуждаешься. Независимость дается только этими...

Валентин Валентинович пошевелил пальцами, как бы перебирая монеты.

– Но где их взять?

Валентин Валентинович погасил папиросу в пепельнице, прошелся по комнате, чистой, пустоватой, с фотографиями лошадей на стенах.

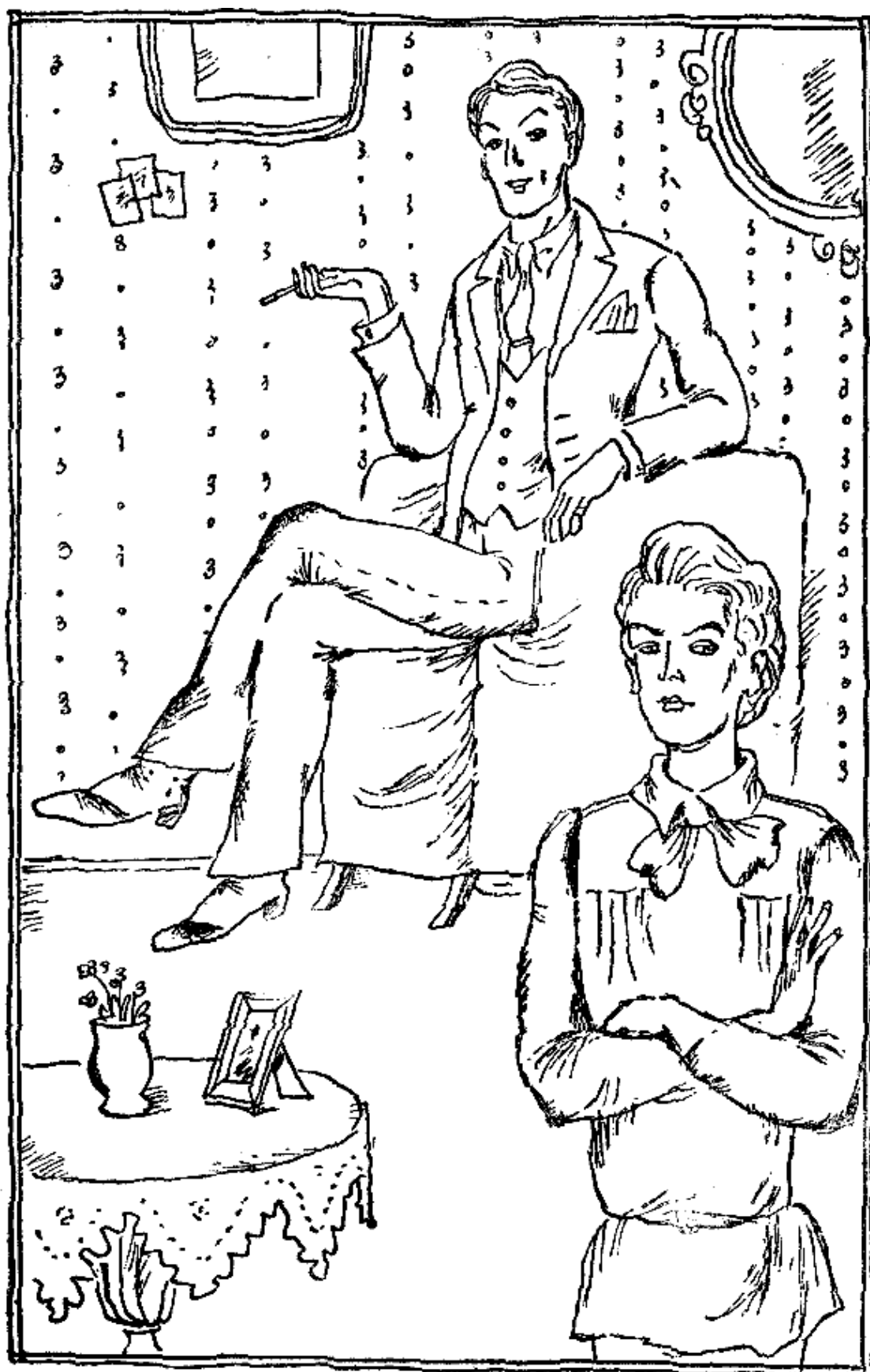
– Надо начинать с небольшого. Кто я такой? Уполномоченный общества «Друг детей». Раньше я распространял лотерейные билеты, открытки, значки, поднимался по лестницам, стучался в двери, несознательные гражданки захлопывали их перед моим носом. Все же мне удавалось кое кого убедить. Заметь, какую гуманную роль я выполнял: помогал несчастным, голодным крошкам и пробуждал в людях сострадание. Теперь заготавливаю мануфактуру для наших предприятий, прибыль от них идет опять же на помощь беспризорным детям. Раз в месяц получаю свои проценты. Рокфеллер имеет больше, но я сыт, одет, обут. – Он вытянул

ногу и показал лакированный ботинок «джимми». – Делаю свои деньги и думаю, как бы сделать их больше.

– На лотерейных билетах? На отгрузке мануфактуры?

– Друг мой! Деньги делаются на всем. Нэп! Папиросы «Ира» не все, что осталось от старого мира. Шевели извилиной, как пишут в журнале «Смехач». Жизнь с ходу дает тебе шанс – не упускай его. Приживись на фабрике. Получится с режиссером – уйдешь в Дугласы Фербенксы. Не получится – заработаешь производственный стаж и поступишь в вуз. Кстати, какая у тебя тема?

– Учет на складе, – произнес Юра с отвращением.

– Прекрасная тема! – воскликнул Валентин Валентинович. – На складе ты станешь деловым человеком, изучишь ткани. Актуальнейшая проблема! За десять лет люди пообносились, рынок требует маты...

– Маты? Что это такое? – спросил Юра.

– Мата – мануфактура на языке контрабандистов, этим термином пользуются и коммерсанты, – объяснил Валентин Валентинович. – Какие названия! Амарант, бельфанс, туалъд эте, канбера, виоламакмино... Из за одних названий я бы пошел работать на склад, честное слово!

– Вы говорите о фабрике с таким же энтузиазмом, как Миша Поляков на школьных собраниях о мировой революции, – усмехнулся Юра.

– Ну что ж, из всех, кого я видел сегодня, Миша Поляков понравился мне больше всех.

– Вы его мало знаете, – нахмурился Юра.

4

Следующий день был «фабричный», – ребята проходили производственную практику. С блокнотом и карандашом Миша стоял на фабричном дворе у железнодорожной ветки. Грузчики носили в вагоны тюки с мануфактурой.

Подошел Валентин Валентинович.

– Что вы делаете, Миша? – После вчерашнего происшествия он держался с ним как с добрым приятелем.

Миша показал на блокнот.

– Записываю, куда отправляется товар.

– Это имеет отношение к вашей дипломной работе?

– Да. «Транспортировка готовой продукции».

– Великолепно! Можете записать мою отправку. – Валентин Валентинович показал на пустой вагон в тупике. – Станция назначения – Батум, получатель – швейная фабрика общества «Друг детей».

– Запишу, когда погрузят, очередь дойдет не скоро.

– Ужасно долго все это продолжается, – подхватил Валентин Валентинович, – и я вам скажу почему: задерживают ломовые извозчики. Анахронизм. За границей господствует автомобиль.

У ворот склада стояли ломовые лошади с мохнатыми ногами. Возчики складывали тюки на полки, покрывали брезентом, увязывали веревками, затягивали ломиками.

В складе было тесно, но рабочие ловко маневрировали тележками, сбрасывая тюки, куда им показывал кладовщик Панфилов. За маленьким столиком Юра выписывал накладные.

Вошел Красавцев, заведующий сбытом, толстяк с опухшим лицом, что то сказал Панфилову и вышел.

– Представитель деткомиссии, гражданин Навроцкий! – крикнул Панфилов, появляясь в воротах склада.

Валентин Валентинович оглянулся.

– Меня кличут... Иду!

Он отправился в склад и тут же вернулся, весело сообщив Мише:

– Сейчас будут грузиться!

Показал грузчикам пустой вагон в тупике:

– А ну, ребята, подвинем, по чекушке на брата!

Сказал что то машинисту и сцепщику и направился к пустому вагону, на ходу бросив Мише:

– Поможем, Миша!

Мише понравилась его веселая лихость, и он помог грузчикам подтолкнуть вагон к составу.

Лязгнули буфера, сцепщик накинул сцеп, Валентин Валентинович оттянул дверь вагона, она мягко покатила на роликах, грузчики установили трап, начали таскать тюки.

Стоя в вагоне, Валентин Валентинович уверенно распорядился:

– Быстро, ребята, шаг назад, два вперед, тюк на тюк, товара как раз на вагон. Плохо уложим – придется перекладывать.

Он соскочил с вагона и пошел в склад.

– Накладная готова?

– Готова, – ответил Юра.

– Молодец!

Прижимая книгу линейкой, Юра оторвал и передал ему накладную.

Валентин Валентинович посмотрел на состав (сцепщик закрывал и опломбировывал вагон), кивнул Юре и Панфилову: «До новых встреч!» – и через боковую дверь вышел на улицу.

Машинист дал гудок, состав тронулся и вытянулся из ворот фабрики. Миша записал вагон Валентина Валентиновича.

И как только ворота за ушедшим составом закрылись, в склад вошел инженер Николай Львович Зимин. Был он гладко выбрит, в хорошо отутюженном костюме, держался очень прямо. За глаза его звали «барин»

– слово в то время уже не оскорбительное, а насмешливое. Оно было незаслуженно и заставляло Николая Львовича держаться еще прямее, говорить еще спокойнее.

– Где бракованная партия? – спросил он у кладовщика Панфилова.

– Какая, Николай Львович? – переспросил Панфилов.

– Для деткомиссии... Я велел Красавцеву ее задержать. Передал он вам мое распоряжение?

– Правильно, приказали... Так ведь транспорт уже погрузили, не разгружать же было, Николай Львович.

– Интересно... – недовольно произнес Зимин и удалился.

Миша хорошо помнил: Красавцев приходил на склад *до того*, как вагон Валентина Валентиновича погрузили. Красавцев что то сказал Панфилову, и *после* этого вагон Валентина Валентиновича молниеносно погрузили и отправили. Что же приказал Красавцев? Задержать вагон или, наоборот, побыстрее отправить его?

– Юра, ты не слыхал, что Красавцев сказал Панфилову? – спросил Миша.

– Нет.

– Он велел задержать вагон или, наоборот, отправить?

– Не знаю.

– Ты был рядом.

– Я не прислушиваюсь к чужим разговорам.

– Товарищ Панфилов! – сказал Миша. – А ведь Красавцев приходил *до того*, как был погружен вагон деткомиссии.

Панфилов скосился на него из под железных очков.

– Ну и что?

– А вы сказали товарищу Зимину, что вагон уже был погружен.

– Ну, сказал.

– Вы сказали неправду.

По суровому лицу Панфилова, по его косому взгляду можно было предположить, что он пошлет Мишу ко всем чертям. Однако он этого не сделал: хорошо знал этих молодых *товарищей*, от них никому нет проходу, им до всего есть дело, и лучше с ними не связываться.

– Товарищу Зимину легко отдавать приказы, только он ведь не у Бутиковых работает, – желчно возразил Панфилов.

– При чем тут Бутиковы? – удивился Миша.

– При том... «Задержи, посмотрю, погляжу»!.. А за простой вагонов полагается штраф, деньги порядочные, кто будет платить? Фабрика? Государство?

– Зимин хотел как хуже?

– Не сказал я этого, только не коммерческий он человек. Хочешь брак выяснить? В цеху выясняй, а не на складе, когда товар упакован, клиент ждет, и вагоны поданы.

В объяснениях Панфилова была логика, но упоминание бывших хозяев фабрики Бутиковых было намеком на то, что Зимин служил здесь еще при фабрикантах, намеком на ста-

рорежимность Зимина, попыткой опорочить его, представить социально чуждым. Миша почувствовал фальшь.

– А все же что приказал Красавцев: задержать или отправить вагон?

– Об этом у Красавцева спроси! – с раздражением ответил Панфилов. – Не Зимин, не Красавцев отвечают за отправку, я отвечаю. А мне товар некуда складировать, сам видишь. – Он обвел рукой загроможденное тюками помещение склада. – Паны, понимаешь, дерутся, а у холопов чубы трещат. Нет, извините, спасибо.

5

Вечером Миша пошел в ресторан «Эрмитаж», к Славке. Бульвары Садового кольца были пустынные, редкие фонари тускло светили на углах центральных улиц.

Славкина мать ушла к другому человеку. Славка остался с отцом, бросил школу, играет по вечерам в оркестре ресторана «Эрмитаж», зарабатывает на жизнь: Константин Алексеевич болеет, не работает, опустился. Миша поражался такой слабости. Если женщина ушла от мужа, порядочного и достойного человека, бросила сына, ее можно только презирать. Конечно, любовь, страсть и так далее, и все же долг выше всего.

В ресторан Миша вошел со двора, мимо кухни, мимо снующих по узкому коридору официантов с подносами. Все бежали, торопились, никому не было дела до Миши, и он благополучно достиг маленькой комнаты, отделенной от эстрады тяжелой занавеской.

Рядом гремел оркестр. Миша чуть раздвинул занавеску и увидел ресторанный зал. За столиками, покрытыми белоснежными скатертями, сидели разодетые женщины, мужчины, очень важные, будто занятые настоящим делом. А все их дело тут – пить, есть, хохотать, как будто им очень весело. Спасаются от забот и тревог жизни нэпманы, спекулянты и растратчики, берут реванш за свое унижение в том, другом мире, где их ограничивают, допекают налогами. Здесь они господа, реализуют свое богатство, швыряют деньгами, перед ними предупредительно склоняются официанты. Безусловно, нэп необходим для восстановления страны, здесь его оборотная сторона, приходится с этим мириться, но люди эти отвратительны. Во имя чего они живут?

Оркестр смолк, музыканты оставались на своих местах. Сидя за роялем, Славка разговаривал с контрабасистом, пожилым человеком в серо голубом костюме с бабочкой.

Потом на эстраду вышли чечеточники в черных фраках, белых манишках, черных цилиндрах и черных лакированных туфлях. Оркестр грянул бравурную мелодию, чечеточники отбивали чечетку, фалды их фраков развевались, они здорово молотили штиблетами и пели куплеты...

Два червонца, три червонца или сразу пять,
За червонцы, за червонцы можно все достать...

Глупейшие куплеты о червонцах, о том, что именно можно достать за червонцы, идиотский гимн червонцу. Никто не обращает на чечеточников внимания, хотя они стараются вовсю, жаль их, и Славку жаль, и других музыкантов, обязанных развлекать эту шушеру.

Чечеточники удалились. Музыканты поднялись со своих мест, пустились в комнату за эстрадой...

– Мне еще отделение играть, – предупредил Славка.

– Подожду, – ответил Миша.

Он стоял у занавески и поглядывал в зал.

– Ну и физии!

– Эти физии дают пищу для некоторых размышлений, – сказал Слава.

– Каких именно?

– Могли мы с тобой два года назад думать, что появится все это?.. Новые хозяева жизни.

– Точнее, хозяева своих денег.

– Зато каких денег! Сейчас я тебе покажу некоторых представителей современного капитала. Только не слишком на них пялься и не тыкай пальцем.

– Постараюсь, – рассмеялся Миша.

– Справа, за вторым столиком, к нам лицом, видишь: коротенький пузанок с пышной шевелюрой?

– Вижу.

– Этот пузанок стоит сорок тысяч.

– Как в Америке, – усмехнулся Миша. – Мистер Смит стоит сорок миллионов долларов.

– Вот именно. Пузанок зарабатывает сорок тысяч в год, а он всего лишь представитель Харьковского государственного кондитерского треста. Заметь, государственного! Разве у нас так много кондитерских изделий? Их не покупают? Нет, их покупают, расхватывают и без этого прыщика. Но этот прыщик получает десять процентов за реализацию – это как раз сорок тысяч – и делится с начальством.

– Смотри, – сказал Миша, – рядом с ним Красавцев.

– Кто это Красавцев?

– Начальник сбыта фабрики, где мы проходим производственную практику.

– Возможно, но тоже, безусловно, взяточник.

Мишу огорчил желчный тон Славки.

– Разве мы с этим не боремся?

– Допустим, – не стал спорить Славка. – Теперь следующий столик, видишь, черноусый джигит? Стоит тридцать тысяч, представитель Азиарыбы, рекламирует селедку, а чего ее рекламировать? Знаешь такой город Ачинск?

– В Сибири?

– Точно. Не на всякой карте найдешь. Есть там малюсенький магазинчик, торгует лаптями, дегтем, веревками, гвоздями, косами, серпами. Где же эта лавчонка себя рекламирует? Не угадаешь. В парижских газетах. И за рекламу плачено золотом. Вот так!

– Представляю себе ликование парижан, – засмеялся Миша. – Анекдот, наверно?

– Анекдот? Почитай «Крокодил». Смотри дальше: Иван Поддубный, так он не Иван Поддубный, а фирма «Дешевое платье». Рядом два джентльмена в галифе «Изящное платье»... А там дальше, в косоворотках и пиджаках, это так называемые кооперативы, артели, конечно, липовые, но вывески... Вывески самые идейные... «Свой труд» семгу изволит кушать, «Коллективный труд» пьет шампанское. Труд, труд, труд... Удобное слово!..

– Слушай, – перебил его Миша, взглядываясь в глубь зала, – там, в углу, не Юра с Людой Зиминой?

– Они.

– Я знаю человека, с которым они сидят, – Валентин Валентинович Навроцкий.

– Я его тоже знаю, с некоторых пор он живет в нашем доме.

– И они часто здесь бывают?

– Люду я здесь вижу впервые, Юра бывает, Навроцкий наш постоянный гость.

– И сколько он стоит?

– Не знаю, фигура загадочная.

– Это всего лишь агент заготовитель деткомиссии.

– Это ничего не значит, у всех здесь скромные титулы: агент, уполномоченный, владелец магазина или ларька, кассиры – как правило, растратчики – гуляют перед посадкой. Тут много чего насмотришься. Изнанка общества.

– Не изнанка, а отбросы.

– Можно сказать и так, – опять не стал спорить Славка.

– Пошли! – сказал виолончелист, поднимаясь на эстраду.

– Подождешь? – спросил Славка.

– Подожду, – ответил Миша.

Заиграл оркестр.

Юра и Люда поднялись и смешались с толпой танцующих.

Навроцкий вынул из кармана пиджака конверт, положил на стол, прикрыл карточкой меню, щелкнул затвором портсигара, размял папиросу, закурил, бросил спичку в пепельницу, откинулся на спинку кресла, глубоко затаился и даже не повернул головы, когда к столику подсел Красавцев.

Навроцкий придвинул ему портсигар, приподнял карточку меню. Красавцев достал папиросу, вынул из под меню конверт, опустил в карман.

– Здесь вся сумма?

– Можете не пересчитывать. Когда я получу следующую партию?

На помятом, красном от водки лице Красавцева появилось обычное для взяточника выражение неприступности.

– Через неделю, не раньше, и без скидки на брак и третий сорт.

– Почему?

– Зимин собирается лично проверить брак и сорт, беспокоится, что его слишком много.

– С ним нельзя поладить?

– Из старых спецов, трусит. Хотел задержать вашу партию, но я успел ее отправить.

– Я успел ее отправить, – хладнокровно возразил Навроцкий.

Красавцев покосился на него.

– Если бы я не предупредил Панфилова...

Навроцкий перебил его:

– Если бы я не успел за полчаса погрузиться, вы бы попались на фиктивном браке и пошли под суд.

Красавцев опять покосился на него – пижона следует осадить.

– Зимин требует документы по вашей отправке.

– Пожалуйста, документы в порядке, – ответил Валентин Валентинович.

– Если в них особенно не ковыряться.

– Документы в полном порядке, – повторил Валентин Валентинович. – Можете спокойно их передать. Пусть изучает. Даже у себя дома. Вот именно, пусть возьмет домой и тщательно ознакомится.

Оркестр смолк.

– Значит, договорились? – Навроцкий давал понять, что Красавцев может удалиться.

Вставая, Красавцев ухмыльнулся:

– Вы здесь с дочкой Зимина, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Можете спокойно передать документы Зимину в личное пользование.

Вернулись Юра и Люда. Люда села, оправила платье, осмотрелась.

– Ну как? – спросил Валентин Валентинович.

– Прекрасно!

Люда впервые в ресторане. Когда она шла сюда, волновалась, смущалась, ей казалось, что она прикоснется к опасной, запретной, но заманчивой стороне жизни. Папа и мама будут огорчены, узнав, что она была здесь, но она хотела посмотреть, хотела знать, что это такое, узнала, посмотрела и, может быть, больше не придет сюда. Ничего особенного – пьют, едят, танцуют. Пьют и едят очень вкусно, вкуснее, чем дома, и совсем иначе. Она так честно и скажет: хотела посмотреть – посмотрела; папе и маме всегда важно понять мотивы, она им объяснит мотивы: было интересно посмотреть. Правда, ей приятно, что и на нее смотрят. Дома существовала эта тема – Люда кокетка, ее за это высмеивали, папа часто говорил: «Люда опять смотрится в самовар». В конце концов, у каждого есть и должны быть недостатки. В общем, Люда мысленно договорилась сама с собой, мысленно договорилась с родителями.

– У вас знакомые в оркестре? – спросил Валентин Валентинович.

- Мальчик из нашего дома, Славка Эльдаров. Очень талантливый.
- Не без дарования, – снисходительно согласился Юра.

- Нет, очень талантливый! – возразила Люда. – Но у них дома неприятности, родители разошлись, и он вынужден играть в ресторане.
- Это пойдет ему на пользу, – сказал Валентин Валентинович.
- Да? Почему? – спросила Люда.
- Трудно объяснить... На ум приходят банальные слова: невзгоды закаляют, характер вырабатывается в горниле испытаний и тому подобное. Но в этих стертых выражениях заложены никогда не стареющие истины.

- Итак, да здравствуют сложности! – провозгласил Юра. – А если их нет?
- Их не может не быть, – ответил Валентин Валентинович.
- Почему вы не танцуете? – спросила Люда.
- Не умею.

– Фокстрот – это очень просто.

– Мне поздно учиться.

– Вам? Вы себя считаете стариком?

Валентин Валентинович улыбнулся:

– Скажите лучше, как вам работается на фабрике?

– Стою с хронометром, очень стараюсь, тем более что я дочь инженера, но работницы на меня косятся: я им, по видимому, не нравлюсь.

– Всюду рабочие не любят хронометражистов, – сказал Валентин Валентинович, – а то, что вы дочь инженера... Разве вашего отца на фабрике не уважают? Ведь он крупный специалист.

– Вот именно специалист, – подхватил Юра, – буржуазный спец, учился в Англии, служил на фабрике еще до революции, у хозяев капиталистов, и, значит, сам капиталист. А Люда – дочь буржуазного спеца. У нас обожают наклеивать ярлыки: интеллигент, спец... Я, например, упадочник, у меня, видите ли, упадочные настроения. Почему, отчего – никто не знает, и что значит упадочные, тоже никто толком не знает. Представляю, что бы творилось, если бы узнали, что мы сидим в ресторане, да еще танцуем фокстрот и чарльстон. Нас бы объявили белогвардейцами.

– Вот видишь, – засмеялся Валентин Валентинович, – а ты говоришь, что у тебя нет сложностей.

6

Когда Юра, Люда и Валентин Валентинович подошли к дому, они увидели Витьку Бурова. Он стоял в калитке, вырезанной в воротах, в своей обычной ленивой позе, загораживая проход и не проявляя намерения сдвинуться с места.

Юра оказался позади Валентина Валентиновича. Впрочем, у него все всегда получалось естественно, а значит, и достойно.

– Молодой человек, – холодно произнес Валентин Валентинович, – будьте добры посторониться.

– Места вам мало? – Витька продолжал загораживать калитку широкими плечами.

– Витя, перестань! – поморщилась Люда. Она не боялась Витьки.

– Или вы посторонитесь, или я помогу вам это сделать, – сказал Валентин Валентинович.

Витька лениво подвинулся.

– Чешите, не вы мне сейчас нужны.

– Так будет, пожалуй, разумнее, – оставил за собой последнее слово Валентин Валентинович.

Во дворе, на скамейке, виднелась еще одна фигура – Шаринец.

– Мне сюда, спокойной ночи! – Юра вошел в свой подъезд, оставив Валентина Валентиновича один на один с Витькой и Шаринцом.

Прощаясь с Навроцким, Люда сказала:

– Витька опять к вам привяжется.

– Переживу какнибудь, – улыбнулся Валентин Валентинович. – Вы довольны сегодняшним вечером?

– Очень.

– Я рад, что Юра нас познакомил, – сказал Валентин Валентинович.

– Да, спасибо ему.

– Ваши уже, наверно, спят.

– У меня свои ключи.

Навроцкий скользнул взглядом по ключам, которые она вынула из сумочки.

– Ну что ж, спокойной ночи, привет вашей очаровательной матушке.

Люда поднялась по лестнице, осторожно повернула ключ в замке, открыла, потом тихо закрыла дверь, сняла туфли, в одних чулках прошла по темному коридору, вошла в свою комнату...

Послышались шаги, и вслед за ней в комнату вошел Николай Львович.

– Ты не спишь, папочка?

– Ты тоже не спишь.

– Сказать тебе, где я была?

– Пожалуйста.

– В ресторане... Да, да представь себе... И мне там понравилось: музыка, танцы... Но если ты не хочешь, то больше не пойду, обещаю.

– Ничего страшного в ресторанах нет... Но мне кажется, туда ходят одни спекулянты. И, может быть, тебе еще несколько рановато... Впрочем, если ты захочешь ходить, никто тебя не удержит...

– Нет, папочка, я тебе сказала: если ты не хочешь этого, я больше ни разу не пойду.

– Но ведь ты пошла, захотела и пошла, и нам ничего не сказала... Конечно, потом призналась, так сказать, постфактум, и на том спасибо, не стала ничего выдумывать и придумывать, это очень хорошо... Но ведь мы не знали, где ты.

– Ты не ложился из за меня? И мама?
– Ты спрашиваешь об этом?
– Я думала, что вы... Я понимала, что огорчу вас... Но если бы я знала, что вы не спите из за меня...

Вошла Ольга Дмитриевна.

– Доченька, господи, как я волновалась, чего я не передумала! Ну, слава богу, ты дома! Я уже одевалась, чтобы пойти тебя искать!

В халате, розовая, румяная, Ольга Дмитриевна выглядела свежо, моложаво, казалась не матерью, а старшей сестрой Люды – такое же нежное лицо, такие же каштановые кудряшки, такие же тонкие стрелочки бровей и зеленоватые глаза.

– Ну, мама, – только вздохнула Люда, – я не понимаю, чего ты боялась?

Ольга Дмитриевна смешалась при этом вопросе, Люда поняла ее смущение и, выручая мать, сказала:

– Я ведь не маленькая, и я никого не боюсь – ни бандитов, ни жуликов.

– А я боюсь, – подхватила Ольга Дмитриевна, – боюсь нашего двора, боюсь Витьку Бурова. Он бандит.

– Мы, кстати, как раз его встретили, он вел себя, как паинька.

– Ну да, потому, что его проучили... Но не в нем дело... Где ты была?

– Мапочка, я уже сказала папе...

– Да, я информирован, – заметил Николай Львович.

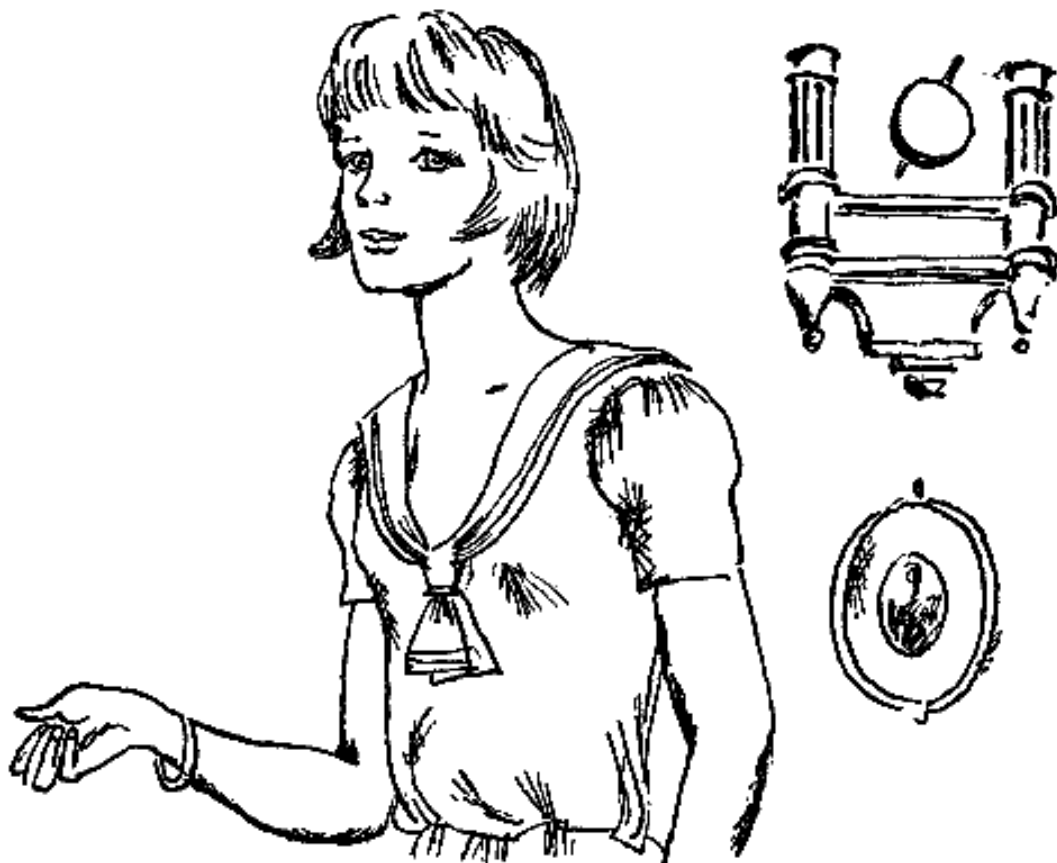

– Но обещай мне, – продолжала Люда, – что не будешь сердиться и ругать меня. Обещаешь? Ну, так вот, я была в ресторане, была с Юрой и с его приятелем Валентином Валентиновичем, ты его знаешь – это тот молодой человек, который тогда во дворе вступился за Андрея и за Мишу Полякова, помнишь?

Ольга Дмитриевна бросила быстрый, тревожный взгляд на мужа, ее нежное лицо порозовело. В их семье не было ссор и скандалов, но сейчас ей показалось, что Николай Львович недоволен, разочарован, огорчен. Решив, что она должна все сделать сама, сказала суховато:

– О Юре мне нечего сказать, его мы знаем десять лет, и от этого он не становится лучше, но этот молодой человек... Валентин Валентинович... Конечно, он вел себя тогда, с Андреем, вполне достойно, но этого слишком мало, чтобы судить о нем...

– А что, собственно говоря, надо судить? – спросила Люда.

– Я хочу сказать, что мы его совершенно не знаем.

– Но пойми, мамочка, я ведь не могу знакомиться только с твоими или с папиными друзьями.

– Это верно, – согласилась Ольга Дмитриевна, – но ты только познакомилась с ним и сразу приняла приглашение пойти в ресторан. Ведь с кем попало не ходят в ресторан, правда? Это к чему то обязывает. Пойти в ресторан с почти незнакомым человеком...

– Я пошла не с ним, а с Юрой, – сказала Люда, признавая в душе некоторую правоту матери.

– Речь, по видимому, идет о молодом человеке, получающем мануфактуру на нашей фабрике, – сказал Николай Львович.

– Да...

– Мне он не нравится, – сказал Николай Львович. – Ты знаешь, я редко так определенно говорю о людях, о нем я говорю определенно: не нравится.

Люда посмотрела на отца, свела тонкие брови, опустила голову:

– Странно... Впрочем, если ты не хочешь, чтобы я с ним встречалась...

– Встретаться или нет – дело твое; я просто высказал свое мнение.

Люда продолжала:

– Мне совершенно неважен и безразличен Валентин Валентинович... Но я не понимаю, что происходит, почему этому придается такое значение... Честное слово, нет ничего особенного... Но когда запрещают – это ужасно...

– Я не запрещаю, – протестовал Николай Львович, – я сказал: мне он не нравится, учти это, приглядишься к нему внимательнее...

Она засмеялась:

– Но чтобы приглядеться, надо встречаться... Папочка, мамуля, милые, все это такая ерунда, ей богу! Не беспокойтесь ни о чем... Ну, сходила в ресторан, посмотрела, потанцевала с Юрой, попробовала их еду...

– Ну и как? – спросила Ольга Дмитриевна.

– Вкусно... Очень... Но твои блинчики вкуснее, – добавила она великодушно.

Люда долго не могла заснуть, перебирала в памяти этот вечер, возвращение, сцену во дворе и приход домой. За ресторан она себя не ругала. Ей хотелось там побывать, это правда. Она пошла туда с Юрой, которого знает сто пятьдесят лет. Юру беспокоит, что будут говорить о них в школе, а ей наплевать, она ничего такого антиобщественного не сделала и не делает, даже наоборот, хочет быть как все, но у нее ничего не получается, ее считают за чужую, а почему? Одевается не так, дочь инженера. Ну, и она не набивается, не вешать же ей на груди плакат: «Хочу быть как все!» И Юра тоже не такой уж плохой, как его школьная репутация; никакой он не упадочник; его беда – хочет выделяться, а выделяться ему, между прочим, нечем. И если говорить честно, то Юра – трус. Это главное. Из за этого она испытывает к нему презрение, из за этого он ей никогда не нравился. Напрасно девчонки чего то там намекали – это все смешно. Единственный, кто ей по настоящему нравился, вернее, мог бы понравиться, если бы и она ему нравилась, – это Миша Поляков. Он прямая противоположность Юре, но он на нее ноль внимания, фунт презрения. И этот фунт презрения совершенно незаслуженный. Просто у Миши такой характер, он никого в отдельности не замечает, они для него масса. Но она не масса. Во всяком случае, не для него...

Теперь насчет Валентина Валентиновича. У него довольно красивое лицо, в рассуждениях что то значительное, даже загадочно значительное. Но он носит лаковые ботинки, и это о многом говорит. И то, что у него такие деньги, он их так небрежно тратит в ресторане – тоже не в его пользу; у них в семье и у их знакомых таких денег нет, хотя люди вполне достойные. Но может быть, это он позволяет себе не так часто, и угощал он их от души, это ему было приятно. Немного старомодно, правда, этакое гусарство: мол, прогуливаю последнюю... И он смелый по настоящему, не притворяется; Витьку Бурова не испугался ни в этот раз, ни в тот, и это тоже очко в его пользу...

Нет, родители неправы. Конечно, понять их можно. Боятся, что случится то самое. Но напрасно боятся; то самое может случиться, но только с любимым человеком, а она никого не любит, могла бы, может быть, полюбить Мишу Полякова.

Мама – потрясающая трусиха, даже очаровательна, потому что никогда не притворяется. Иногда Люде кажется, что не она ее дочка, а мама ее дочка... Она всего боится, это у нее с тех времен: боялась домкома, боялась, что их уплотнят, отберут комнату, боялась за папу, боялась, что нечем будет накормить семью, а потом, когда появилась мука и все появилось, мама стала перекармливать их, особенно Андрюшку, стала жарить блинчики.

И все же с родителями ей повезло, она понимает и ценит это. Просто она стала видеть больше, чем видит мама, и саму маму видит и папу, как он, например, старается не уронить свой авторитет в семье, напускает на себя хмурый, недоступный вид, прячет свою доброту потрясающую; мама это, наверно, понимает; папа на пьедестале, власть законодательная, а мама власть исполнительная. И сегодня разыгрывала эту роль... Ах, как она их любит... И не будет огорчать, хотя и видит, что вступила с ними сегодня в неразрешимое противоречие... Подумать только, они пытаются решить, с кем ей встречаться, с кем нет, – они, такие неисправимые, доверчивые романтики...

Родители Люды тоже не спали. Это был не первый случай, когда Люда поздно приходила домой, но она всегда предупреждала, они знали, где она. В этот раз она как то незаметно ушла из дома, ничего не сказала, не хотела лгать, но и правды не хотела говорить. Уж одно это их встревожило... И не случайно. Ресторан... Франт в лакированных штиблетах...

Впрочем, как познакомились они сами? На даче, в Лианозове, тоже случайно, на любительском спектакле...

– Уверю тебя, – говорила Ольга Дмитриевна, – она взрослая дочь, мы уже ничего не можем ей запретить. Надо воспользоваться тем, что мы пока еще вправе что то ей разрешать.

– Это логично, – согласился Николай Львович, – надо спасать то, что еще можно спасти.

– Нечего спасать, милый, уверю тебя, это все такое молодое, детское!.. Я только против ресторанов. Молодой человек должен приходить в дом, бывать в доме. Только так мы можем как то влиять на Люду, на ее отношения, мы можем видеть, с кем она имеет дело. Кроме того, если человек у нас бывает, я чисто по женски постараюсь открыть ей глаза на него, на его недостатки, потом можно будет пошутить, посмеяться...

– Все это верно, – сказал Николай Львович, – но, понимаешь, этот молодой человек не внушает мне доверия. И я, откровенно говоря, в некоторой растерянности: по служебным соображениям мне не хотелось бы, чтобы он бывал у нас дома. Но с другой стороны, запретить Люде общаться с человеком, который мне неудобен по службе, это, в сущности, то же самое, что советовать ей встречаться с человеком, который по службе мне удобен. Исходная позиция в обоих случаях фальшивая, дурная.

Ольга Дмитриевна с удовольствием слушала мужа, это было именно то, что она так ценила и любила в нем. Конечно, он не только не вынуждает Люду встречаться с нужными людьми, но и сам никогда с ними не встречается, и ход рассуждения был удивительно характерен для него.

– Ты сильно преувеличиваешь, мой милый, – сказала она, – ты действительно ничего ей не запрещал, ты всего лишь высказал свое мнение о человеке, которого ты знаешь больше, чем она. И Люда это правильно поняла. Я думаю даже, что в данном случае она разумнее нас. В самом деле, что произошло? Ничего, в сущности. Задержалась на танцульках, а мы когда то не задерживались? Только тогда танцевали в саду, сейчас танцуют в ресторанах, вот и все.

– Да, – согласился Николай Львович, – ты права и, главное, сама не волнуйся.

Николай Львович успокоил жену, но сам не успокоился: что то тревожило его в этой истории.

7

Ресторан, наконец, закрыли, и Миша со Славкой отправились домой.

Славка рассказывал об оркестре. Среди музыкантов есть люди одаренные, даже талантливые, например, контрабасист, человек с консерваторским образованием, но не смог найти места в настоящем оркестре, их считанное количество, и вот вынужден играть в ресторане, где прилично платят и где кое что перепадает от гостей, заказывающих музыку.

Своим бесстрастным рассказом Славка как бы подчеркивал примитивность своих нынешних интересов, отделял себя от возвышенного мира, в котором живет Миша, жил когда то и он, Славка. Был пионером, комсомолец – и вот пожалуйста: пианист в ресторане «Эрмитаж», играет фокстроты для нэпманов, аферистов и растратчиков, веселит их, ублажает, зато у хозяина бесплатный ужин – правда, не такой, как гостям, а что остается от гостей.

– Не надо делать из этого трагедию, – сказал Миша, – эпизод в биографии артиста. Напрасно тебя это так сильно угнетает.

– Человек не может двадцать четыре часа в сутки визжать от восторга, – возразил Славка.

– Временный, случайный заработок, – продолжил Миша. – Поступишь в консерваторию, получишь стипендию – все переменится. Кстати, завтра в фабричном клубе выступает наша живая газета. Может быть, проведешь? Как, бывало, раньше.

– Не знаю... В котором часу?

– В шесть. Тебе в ресторан к девяти, можешь не оставаться на диспут, проведешь выступление и уедешь.

– О чем диспут?

– Влияние нэпа на молодежь.

– И как с этим бороться? – не без насмешки добавил Славка.

– Да, и как с этим бороться.

– Не знаю... Если не будет сыгровки...

– Не приедешь – проведет Яшка Полонский, – заключил Миша, – а приедешь, я лично буду рад и буду ждать тебя. Постарайся, пожалуйста.

Они подошли к дому.

В воротах стоял Витька Буров.

– Привет!

– Привет! – ответил Славка.

– Здорово! – сказал Миша.

Витька повернулся к Славке.

– Иди домой, Славка, ложись спать.

– Ты меня отправляешь спать? Может быть, еще в постельку уложишь?

– По хорошему говорю: уходи! Нам с ним, – Витька кивнул на Мишу, – поговорить надо.

Миша усмехнулся:

– Славка нам не мешает. Славка, скажи, не будешь мешать? Очень тебя прошу. Не вмешивайся в наш интимный разговор. Что, Витя, ты мне хочешь сказать?

– Еще раз полезешь не в свое дело – схлопочешь! Арцы – и в воду концы!

– И этот грубиян носит имя великого писателя! – Миша насмешливо покачал головой, – кстати, Витька, почему тебя зовут Альфонсом Доде? Ты его читал когда нибудь?

Витька поднял кулак:

– Это видел?

Славка попытался встать между ними.

– Бросьте, ребята, прекратите!

– Отойди! А то и тебе вмажу! – закричал Витька.

– Ты ведь обещал не вмешиваться. – Миша отодвинул Славку. – Дай нам спокойно поговорить. Так вот, Витенька, к твоему сведению: Альфонс Доде был великий французский писатель. А французы, между прочим, отличаются вежливостью.

Витька поднес к его носу кулак:

– Я тебе покажу вежливость!

Миша был комсомольский активист, но он был арбатский, вырос в этом доме, знал законы и повадки улицы. Он схватил Витькину руку и вывернул ее. Витька выдернул руку и бросился на Мишу.

Ответом ему были подножка и вполне квалифицированный удар в подбородок.

Витька упал.

– Опять получишь!

Витька не внял этому предупреждению, поднялся, снова бросился на Мишу, но между ними уже стоял Славка.

– Ребята, прекратите сейчас же!

Вмешательство Славки вряд ли подействовало на Витьку. Но из за угла появился Валентин Валентинович Навроцкий.

– Добрый вечер!

На скамейке по прежнему темнела фигура Шаринца.

– У вас опять серьезный разговор! – улыбнулся Навроцкий.

– Ничего особенного, – сухо ответил Миша. – Пошли, Славка!

– Спокойной ночи! – сказал Навроцкий.

– Пока, – ответил Миша, не оборачиваясь.

Обернулся вежливый Славка:

– До свидания!

Навроцкий проводил их задумчивым взглядом, потом спросил Витьку:

– По прежнему не ладите.

– А тебе какое дело?!

– Как грубо, как грубо, – поморщился Навроцкий. – Так вот, слушай, Витюня: будешь так разговаривать со мной, я из тебя сделаю беф строганов, понял?

Это говорил не лощеный делец, а какой то совсем другой человек...

Его слышал и Шаринец. Валентин Валентинович Навроцкий произнес свою угрозу достаточно громко.

8

Фабричный клуб был полон, за занавесом слышалась возня – участники готовились к выступлению. Скоро начало, а Славка не пришел – Миша отметил это с огорчением. А Витька Буров пришел, Миша отметил и это... Пришел, конечно, чтобы поскандальить, чтобы испортить вечер.

Занавес раздвинулся. Яша Полонский заиграл на рояле марш живой газеты – причудливую смесь революционных песен, вальсов, старинных романсов и опереточных мелодий.

Под звуки этой своеобразной, но достаточно громкой музыки строй живой газеты – мальчики и девочки (рубашки и кофточки белые, брюки и юбки черные) – промаршировал по сцене, декламируя вступление:

Мы, сотрудники газеты,
Не артисты, не поэты,
С мира занавес сдерем,
Всем покажем и споем.

Что в Марокко? Все морока!
Что у вас сейчас под боком,
Как во Франции дела,
Как экскурсия прошла,
На Арбате что у нас,
Как в Италии сейчас,
Что в деревне. И короче:
Обо всем ином и прочем!¹

Хор смолк, шеренга застыла, из нее выступила девочка, загримированная под Люду Зимину, сплела пальцы, вытянула руки и, поводя плечами, запела:

Я жеманство, тру ля ля,
И скажу вам смело:
Люблю глазками стрелять,
Не люблю лишь дела.

Как приятно день деньской
Шевелить глазами,
И влюбляться с головой,
И не спать ночами.
Завела я дневничок,
В нем пишу стихи я:
Мопассан и Поль де Кок
Вот моя стихия.

Девочка отошла в сторону. Из строя шагнул мальчик, одетый, как Юра: бархатная толстовка с белым бантом.

¹ Эти и последующие стихи написаны в двадцатых годах учеником московской школы имени Лепешинского Яшей Полонским. Погиб на фронте в Великую Отечественную войну.

Только станет лишь темно,
Страстно ждет меня кино,
Мэри Пикфорд, Гарри Пиль
Вскочат вдруг в автомобиль.
И, сверкая, как алмаз,
Прыгнет к ним Фербенкс Дуглас.
Ах, держите вы меня,
Сколько жизни и огня!
Что мне школа, забыл давно,
Дайте мне кино!

Мальчик стал рядом с девочкой. Из строя вышел увалень, похожий на Витьку Бурова, и басом, подражая Витьке, запел:

Эй, берегись! Посторонись!
Я очень гордый, с поднятой мордой.
Я разгильдяйство! Я друг лентяйства!
Я чемпионов всех сильнее.
Я весь проныра и пролаза.
Стекла бью я до отказа.
Мне каждый враг, кто не со мной.
И всех зову с собой на бой!

Появился мальчик, загримированный под Мишиного приятеля Генку – вылинявшая солдатская гимнастерка и латанные штаны, заправленные в стоптанные сапоги. В руках у него была громадная метла.

Я чемпион, я чемпион,
Нас легион, нас легион.
Эти паразиты здесь и там
Не дают работать нам.
Всех их с собой требую на бой!
С шеи долой
Сбросим метлой!

Чемпион бьет метлой барышню, пижона и хулигана – они падают под его ударами; строй, маршируя, удаляется за сцену. За ним, охая и стеная, плетутся пижон, барышня и хулиган.

На сцену поднялся Миша.

– Живая газета показала персонажи, на которых мы видим тлетворное влияние нэпа: хулиган, пижон и барышня. Нэп принес с собой и другие отрицательные явления. Как с ними бороться – вот предмет сегодняшнего диспута. Кто хочет выступить?

Встал Генка, одетый так, как его только что изобразили – вылинявшая солдатская гимнастерка и латанные штаны, заправленные в стоптанные сапоги.

– Пошлость и мещанство – вот главный враг. Носят банты, галстуки, ажурные чулки, воняют духами. К чему эти декорации?

– Чем тебе мешает галстук? – спросил Яша Полонский.

– Надо открывать шею солнцу, а не ходить, как собачка, в ошейнике.

- А ажурные чулки?
 - Для чего они? – воскликнул Генка. – Чтобы какойнибудь гнилокровный буржуазный выродок любовался «изящной дамской ножкой» на танцульках?
 - Ты против танцев?
 - Их вред доказан наукой.
 - Где ты это вычитал?
 - Могу и тебе дать почитать. А некоторые элементы еще продолжают вертеть ногами. Танцы насаждают мелкобуржуазные нравы. Обращаются на «вы», говорят: «извините», «простите», «пардон» – все это гнилая интеллигентщина. Я сам видел, как один комсомолец подавал комсомолке пальто. Зачем? Чтобы подчеркнуть ее неравноправность? Ведь она ему пальто не подала.
 - Хочешь, чтобы тебе подавали?
 - А если у них любовь?
 - Разве любовь в том, чтобы подавать пальто? Я не отрицаю любовь...
 - Спасибо, благодетель!
 - ...Но только на основе общей идеи...
- Молодой звонкий голос из зала пропел частушку:

Ох, по дороге колокольцы,
Сердце словно прыгает.
Ох, не влюбляйтесь в комсомольца,
Скукою измывает.

- Генка, про тебя!

На сцену поднялась Зина Круглова в форме юнгштурма – защитного цвета гимнастерка и юбка, широкий ремень, портупея через плечо.

– Мужчина называется мужчиной потому, что он мужественный.

- Вода называется водой потому, что она водянистая, – вставил Яша Полонский.
- Поэтому, – продолжала Зина, – если парень подаст девушке пальто, в этом нет ничего унижительного, простая вежливость.
- Женщина называется женщиной потому, что она женственная, – не унимался Яша.
- Именно! Почему обязательно ходить в сапогах, я предпочитаю туфли...

- Танцевать удобнее?
- Хотя бы! Мы будем танцевать независимо от того, разрешает это Генка или нет. На сцене появился Юра.
- Я признателен Яше Полонскому за то, что послужил ему прообразом, дал пищу его богатой фантазии, его блестящей музе, горжусь этим. Но еще больше благодарен Генке: он поставил все точки над «і». Чего он хочет? Стандарта! Всех подогнать под один тип: одина-

ково одевайтесь, одинаково развлекайтесь, одинаково думайте! А я, например, не хочу. Хочу быть самым собой. И буду носить бант. Привет!

– Мы не хотим стандарта, – возразил Миша, – но нельзя думать только о себе – о своей внешности, карьере, благополучии. Не в том дело, что ты носишь бант, а в том, что бант заменил тебе все.

– Он забантовался! – крикнул Яша.

Руку поднял Саша Панкратов.

– Я хочу сказать насчет хулиганов. Некоторые размахивают финками.

– Это ты про меня, что ли? – ухмыльнулся Витька Буров.

– Да, про тебя. Ты выражаешься. Слова нецензурные говоришь.

«Молодец, смелый парнишка», – подумал Миша о Саше Панкратове.

– А ты слышал? Слышал, как я ругался? – спросил Витька.

– Слышал, – решительно ответил Саша.

– Как? Повтори!

– Сам знаешь как. Я тебе потом повторю.

– И я слышал... И я! – закричали ребята в зале.

– А вы не слушайте! – огрызнулся Витька.

Зина Круглова сказала:

– Мало того, что Буров хулиганит сам, он вовлекает в хулиганство малолетних.

– Судить показательным судом! – сурово объявил Генка.

– А право имеешь? – с вызовом спросил Витька.

– Имеем. Школа отвечает за наш дом.

– Ой, испугался, – ухмыльнулся Витька, довольный тем, что оказался в центре внимания. – Когда судить то будете?

– Сообщим, не забудем, – пообещал Миша, – не беспокойся, какнибудь справимся с тобой. Запомни на всякий случай. Итак, предложения?!

– Повести решительную борьбу с мещанством, пошлостью и обывательщиной, – предложил Генка.

– ОбщО. Давай конкретнее! – возразил Миша.

– Запретить галстуки, банты, ажурные чулки, духи.

– А одеколон? – спросил Яша.

– Тоже.

– Одеколон не роскошь, а гигиена, – выкрикнул кто то из зала.

– Этот лозунг выдумали частники парикмахеры, – отпаривал Генка.

– Кто за предложение Генки? – спросил Миша.

Руку поднял один Генка.

– Какие еще предложения?

– Запретить танцульки! – объявил Генка.

– У меня другое предложение, – сказала Зина Круглова. – Танцы разрешить, кроме фокстрота и чарльстона.

– Это почему?

– В фокстроте прижимаются.

– А ты не прижимайся.

– Это буржуазный танец, – настаивала Зина, – и никто не умеет его по настоящему танцевать, получается одно кривляние и вихляние.

Тот же молодой, звонкий девичий голос из зала выкрикнул:

– А барыню сударыню можно?

– А трепака?

– Лично я предпочитаю лезгинку, – сказал Миша, – кабардинскую и наурскую, но в перерывах между ними иногда задумываюсь: для чего я живу и работаю?

9

Диспут только возвысил Витьку Бурова в собственном мнении: он стал на нем центральной фигурой. Он и шел в клуб в расчете, что о нем заговорят, а если нет, то он выкинет такое, чтобы заговорили.

В своей обычной расслабленной позе Витька сидел во дворе, на пустом деревянном ящике позади первого корпуса, в узком проходе между стеной дома и забором. Рядом на асфальте сидели Шныра, Фургон и Белка. У угла, на стреме, стоял Паштет. Было утро, не самое раннее, часов десять. Воскресенье.

Паштет махнул рукой – все в порядке.

Витька лениво привстал, потянулся, даже зевнул, поднял Белку, она встала ему на плечи и проскользнула в форточку.

Витька опустил на ящик, принял прежнюю позу, Шныра и Фургон не сделали ни одного движения, Паштет был на посту. Все совершилось молниеносно, никто не заметил – задний тупик двора, по нему не ходят, задняя стена дома – ни дверей, ни подъездов, впереди – глухая кирпичная стена.

Белка очутилась в пустом фойе кинотеатра «Арбатский Арс».

На стенах висели афиши, рекламы, фотографии из кинофильмов.

У стены возвышалась буфетная стойка под круглым стеклом. Белка отодвинула дверцу. Скрип не смутил ее: кинотеатр заперт снаружи. Проверено.

Она сняла с прилавка пять бутылок лимонада, пирожные, конфеты, бутерброды, сложила в мешок, вернулась к окну, поскребла о стекло.

Витька снова так же неторопливо поднялся, протянул руку, взял мешок, помог Белке вылезти из окна. Белка схватила мешок и скрылась с ним в подъезде черного хода.

Ребята обогнули корпус, очутились на переднем дворе, где играли детишки, и подошли к пожарной лестнице.

Узкая металлическая лестница начиналась от второго этажа и, прикрепленная к стене металлическими прутьями, достигла крыши восьмизэтажного корпуса. У крыши прутья были оторваны, верх лестницы раскачивался.

Витька уселся на нижней ступени лестницы.

– Куда забрался, места тебе другого нет? – недовольно заметила дворничиха.

– Сидеть нельзя?

– Нельзя, слазь!

Витька потянул носом воздух:

– Мне кислород нужен, кислороду не хватает. – Он поднялся еще на две ступеньки, снова потянул носом. – Хороший кислород, первый сорт.

– Доиграешься, Витька!

Дворничиха ушла со своей метлой. Витька ухмыльнулся: цель достигнута, все видели, что он на лестнице и, следовательно, к буфету отношения иметь не может. Ему было нужно алиби, слово, которого он не знал, но представление о нем имел.

Шныра, Паштет и Фургон, задрав головы, смотрели, как Витька поднимается по лестнице.

Достигнув четвертого этажа, Витька свесился и заглянул в открытое окно. Перед зеркалом сидела Ольга Дмитриевна в халате и с полотенцем на голове.

Ухмыляясь, Витька смотрел на нее.

Она оглянулась, вскрикнула в испуге.

Витька скорчил страшную рожу.

Ольга Дмитриевна вскочила с пуфика, закрыла окно, задернула занавеску.

Довольный своей проделкой, Витька посмотрел вниз, желая увидеть, какой эффект она произвела, как вдруг заметил проходящего по двору Шаринца.

– Где Белка? – спросил Шаринец Шныру.

– Не знаю.

Витька спустился вниз, прыгнул с лестницы.

– Тебе чего?

– А тебе чего?

– Ну и мотай отсюда!

– Ты, Витька, один, а я не один.

– Плевал я на твоих, ты моих не трогай.

– Дождешься! – пригрозил Шаринец и пошел со двора.

Витька снова взобрался по лестнице. Рискованно балансируя на пруте, дотянулся до окна, взял стоящую между рамами банку, запустил в нее палец, набрал варенья и отправил в рот.

Мальчики криками и смехом выразили свой восторг.

В следующем окне, этажом выше, Витька увидел целующуюся парочку.

– Сосед, что делаешь?

Парочка оглянулась, девушка выскочила из комнаты.

В окне следующего этажа усатый дяденька сосредоточенно уминал за столом большой шматок сала.

– Дай кусочек!

Усатый перестал жевать и озадаченно уставился на Витьку.

Забавляясь таким образом, Витька достиг вершины лестницы. Край ее не прикасался к крыше – оба прута были сломаны.

Предстояла самая опасная часть операции.

Сильно и размашисто раскачиваясь, Витька приближал верх лестницы к крыше и, когда она достигла ее, схватился рукой за желоб, подтянулся, перекинулся на крышу, продолжая удерживать лестницу сначала ногами, потом руками.

Улегшись на крыше, крикнул вниз:

– Давай!

Ловко и быстро, как обезьяна, взобрался Шныра.

За ним, умирая от страха, начал подъем Фургон.

Добравшись до середины, остановился, посмотрел вниз.

– На меня смотри! – крикнул Витька.

Фургон снова начал неловко подниматься. Витька протянул ему руку и перетянул на крышу. После того как уверенно взобрался Паштет, Витька отпустил лестницу.

Ребятишки с завистью следили за их подъемом. Витькино тщеславие было удовлетворено, и он крикнул вниз:

– Привет!

Через слуховое окно он спустился на чердак, перелез через балки и стропила, откинул задвижку на двери. На площадке черного хода сидела Белка с мешком.

– Час сажу!

Он впустил ее на чердак, задвинул задвижку.

Вся компания сидела на крыше.

Витька вынул из мешка бутылки с лимонадом, пирожные, бутерброды, конфеты, отложил в сторону две закупоренные банки с монпансье:

– Это в Крым.

Он снова через слуховое окно спустился на чердак и спрятал банки в чуланчике, замаскированном досками и фанерой. На полу лежали тюфяк и рваное одеяло, на досках, заменявших стены, висели открытки с видами Крыма.

Витька вернулся на крышу, открыл лимонад, разложил пирожные и конфеты:

– Шамайте! В Крым поедem – в вагоне ресторане будем обедать.

– Что за вагон ресторан?

– Вагон, а в нем столики, ресторан. Поезд идет, колеса постукивают, а ты рубаешь, официант подает, что закажешь, а закажешь, что захочешь, – расписывал Витька предстоящую поездку в Крым. – Пообедаешь – и к себе, по тамбурам, из вагона в вагон, все на ходу. Пришел в свой вагон, заваливайся спать, у каждого своя полка – плацкарт называется. Спать не хочешь – смотри в окно. Главное – деньги сделать.

– А как деньги сделаем? – спросил Фургон.

– Тебе кто позволил такие вопросы задавать?

Испуганный Фургон молчал.

– Кто, спрашиваю, позволил? Или кто подучил? Подослал? Кто? Мишка Поляков? Сашка Фасон? Говори! А то сброшу с крыши. Арцы – и в воду концы!

– Он просто так спросил, – вступился Шныра.

– Заткнись! Если кто насчет Крыма натреплется, голову оторву.

– А чего трепаться? – возразил Шныра. – Думаешь, не знают? Знают.

– Откуда? Кто сказал?

– Да брось ты! Сам сколько раз говорил: Крым... Крым...

– А хорошо в Крыму? – спросила Белка, предупреждая ссору.

Ее наивную дипломатию поддержал Паштет.

– Спрашивает! Все в Крым едут. Было бы плохо, не ездили. Там море кругом.

– Всесоюзная здравница называется, – добавил Шныра.

Витька лег на спину, мечтательно заговорил:

– Самое лучшее место – Крым. Море само собой, тепло круглый год, хочешь – купайся, хочешь – загорай. Фрукты нипочем: груши дюшес, виноград «дамские пальчики», абрикосы – копейка фунт. В Ливадию поедem, там дворец, царь Николай жил. Ялта. Главное, ксиву надежную иметь, а то снимут с поезда как безнадзорных.

– Какую ксиву? – спросил Фургон.

– Вот дурачок, – засмеялся Паштет, – ксива – документ, значит.

– Ксива будет такая, – сказал Витька, – экскурсия, вы ученики, я за старшего. Печать поставим – и порядок.

– А где печать возьмем? – опять спросил наивный Фургон.

Витька приподнялся, пристально посмотрел на Фургона.

Шныра опять защитил приятеля:

– Он просто так спросил... Не видишь разве, дурачок еще, ничего не понимает.

Витька погрозил Фургону пальцем:

– Много знать хочешь, треплешься. Не суйся, за тебя все сделают.

Он замолчал, прислушался: дергали чердачную дверь. Витька сделал знак сидеть тихо, спустился на чердак, прокрался к двери, прислушался.

За дверью разговаривали. Витька узнал голоса Миши и Генки:

– ...Кто то запер дверь. Управдом, что ли...

– ...Замка нет, изнутри заперта...

– ...Пойдем со двора.

Было слышно, как они спускаются по лестнице.

Витька вернулся на крышу, лег на спину:

– Мишка с Генкой... Убрались...

10

Миша и Генка вернулись во двор и подошли к пожарной лестнице.

Миша надел на шею моток проволоки, прикрепил к поясу связки роликов и стал взбираться по лестнице. За ним, с двумя шестами, последовал Генка.

Их подъем был прерван появлением в окне женщины с растрепанными волосами и банкой в руке.

– Хулиганы! Ворюги! – кричала женщина, поворачиваясь во все стороны и показывая банку жильцам. – Полбанки варенья сожрали!

Миша недоуменно смотрел на нее:

– Не трогали мы вашего варенья.

Мужчина в подтяжках, в другом окне, укоризненно качал головой:

– Стыдно, Миша, а еще комсомолец. И ты, Генка! Вот уж не ожидал.

– Не видели мы никакого варенья! – закричал Генка.

– Хулиганы! Бездельники! – бушевала женщина.

– Какое варенье? – осведомился Миша.

– Еще спрашивает! Клубничное.

– Извините, мы не едим клубничного варенья.

Мальчики поднялись выше.

– Мытарства первых радиолюбителей, – сказал Миша. – Такие, как ты, прокладывают дорогу в будущее.

– Сознание этого только и поддерживает во мне бодрость духа, – ответил Генка, подтягивая шесты.

На восьмом этаже из окна выпянул русоволосый рабфаковец, подмигнул:

– Радиозайцы?

– Мы зарегистрированные.

– Будете крышу ломать? Крыша то надо мной.

– Даже не дотронемся, – успокоил его Генка. Миша проделал то же, что и Витька: раскачал верх лестницы, перебрался на крышу, удержал лестницу. Генка передал ему шесты и тоже перебрался на крышу.

Они не удивились, увидев на крыше Витькину компанию: они сами в свое время лазили сюда погреться на солнышке. Но компания была враждебной. И этот пир... Откуда такие яства? Ворованное, в этом не могло быть сомнений.

Миша не хотел затевать разговор здесь, на крыше. Не место.

Но Генка, как всегда, не смог удержаться:

– Богато живете!

– Живем! А что?! – ответил Витька, спокойно отхлебывая сидро из горлышка бутылки. – Завидно?

– Наверно, – пробормотал Генка, прикрепляя шест к дымовой трубе.

Когда Миша натягивал антенну, лежавший на его пути Витька не пошевелился. Миша перешагнул через него. Витька ухмыльнулся.

Убедившись, что спуск висит хорошо, между окон, Миша и Генка через слуховое окно спустились на чердак, пролезли через балки и подошли к чердачной двери.

– Устроили ночлежный дом, – сказал Генка и оторвал задвижку. – Сам ворует, – продолжал он, спускаясь с Мишей по лестнице, – и маленьких приучает. Вот тебе и диспут! Плевал он на наш диспут. Его надо изолировать.

Очутившись во дворе, они натянули свисающий с крыши провод.

Из окна выглянул Славка.

– Приходи, сейчас слушать будем, – сказал Генка.

– Ладно!

В это время из подъезда вышел Валентин Валентинович Навроцкий, на этот раз не в светлом, а в темно синем бостоновом костюме.

– Здравствуйте, Миша!

– Гутен таг! – ответил Миша.

Навроцкий сделал вид, будто не заметил насмешки.

– Радио устраиваете?

– Пробуем, – ответил Генка.

Миша пристально и изучающе рассматривал Навроцкого.

Навроцкий ответил ему таким же взглядом.

Так некоторое время они молча смотрели друг на друга.

Потом Навроцкий сказал:

– Радиостанция Коминтерна скоро начнет свои передачи. Так, во всяком случае, пишут в газетах.

Миша молчал.

– Кстати, – продолжал Навроцкий, – на крыше вы не встретились со своим недругом?

– С каким недругом?

– С этим, как его, Альфонсом Доде, так, кажется, его зовут.

– Его зовут Виктор Буров, – хмуро ответил Миша.

– Возможно. Как раз перед вами он со своим акционерным обществом взобрался на крышу.

– Чердак – его постоянное местожительство, там и ночует, – сказал Генка.

– Я поражен, – сказал Навроцкий. – Он так легко отделался. Размахивал финкой, а его подержали час в милиции и отпустили.

– Он никого не зарезал, – возразил Миша.

– Но была попытка.

Навроцкий был прав, но Миша не хотел с ним соглашаться.

– Я думаю, была только попытка похвастаться своим ножом.

Навроцкий засмеялся:

– Он хвастун, оказывается, вот почему его называют Альфонсом Доде... Но, знаете, сегодня он хвастается ножом, завтра пустит его в ход. Мы в обществе «Друг детей» часто сталкиваемся с подобными ситуациями – один негодяй портит десяток детей: они тоже заводят ножи.

– Этого мы ему не позволим, – сказал Генка, – какнибудь справимся. Не с такими справлялись.

– Между прочим, – сказал Навроцкий, – у одного моего приятеля есть итальянский детекторный приемник. Свой вы, наверно, сами собрали?

– Сами, – подтвердил Генка.

– Ну вот, а то фабричный, настоящий, их производят в Италии. Если хотите, я попрошу на время, вы послушаете, может быть, скопируете что либо.

– Спасибо, мы попробуем свой, – ответил Миша.

– Желаю успеха, – сказал Навроцкий.

11

Тот же комод, покрытый белой салфеткой с кружевной оборкой, квадратное зеркало с зеленым лепестком в углу, моток ниток, проткнутый длинной иглой, старинные фотографии в овальных рамках с тиснеными золотом фамилиями фотографов. Мало что изменилось в этой комнате. Только вместо широкой кровати с горой подушек стояли две узкие койки: одна, огороженная занавеской, для тетки, другая для Генки. На маленьком столике в углу – детекторный приемник, пачки тонкого шнура в белой обмотке, шурупы, гайки, винты, отвертка.

Генка присоединил антенну к приемнику, надел на голову наушники и, осторожно тыкая острием иглы в камешек, пытался поймать какуюнибудь станцию. Из наушников доносились шипение, хрип, свист. Генка положил наушники в стакан. Сквозь хрип и свист донесся далекий глухой голос: «Из Парижа передают: правительство Пенлеве Бриана Кайо поставило в палате депутатов вопрос о доверии...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.